

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Осторожно: карантин!

Дарья Александровна Калинина

Осторожно: карантин!

Серия «Иронический детектив Дарьи Калининой»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421086
Осторожно: карантин!: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116131-6*

Аннотация

Саша даже не подозревал, какие скелеты хранятся в его семье! Застолье у богатенького дядюшки Вити закончилось огромным скандалом – сначала стало плохо бабуле Эльзе, и ее отвезли в больницу, потом всех родственников закрыли в доме на время строжайшего карантина. На следующий день убили Олега, поклонника Сашиной двоюродной сестры, а затем молодую невесту другого их родственника. Вдобавок ко всему был украден бесценный альбом с коллекцией старинных монет, и только один Саша и его верный пес Барон знают, где на самом деле находится коллекция...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дарья Калинина

Осторожно: карантин!

© Калинина Д.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Осторожно: карантин!

Москва
2021

Глава 1

Поездка обещала быть чудесной. Было утро, с безупречно синего неба ярко светило солнышко. За окнами машины пробегали живописные виды, которые с каждой минутой становились все прекрасней. Саша выглядывал наружу, с удовольствием подставляя лицо свежему ветру. Удовольствие было тем сильнее, что в самой машине свежестю и не пахло.

– М-да... – прошептал Саша своей маме, сидящей рядом. – Не мешало бы дяде Пете уже перестать упрямитесь и приобрести себе нормальную машину с кондиционером. А то в его «ласточке» чересчур уж душно, да и бензином воняет.

– Как и полагается в каждой уважающей себя старой «Волге» советского года выпуска, – с улыбкой ответила мама. – Ты знал, на что шел, когда поехал с нами.

Саша в ответ лишь вздохнул. Поехал-то он по старой памяти, да крупно ошибся. С последнего их совместного путешествия с дядей Петей много воды утекло. А «ласточка» с годами не стала моложе. Саша должен был это учитывать, отправляясь в путь в такой компании. Но почему-то он об этом не подумал, и вот теперь атмосфера в машине с каждым километром становилась все более тяжелой. Саша то и дело с тревогой поглядывал на своего пса. Как он там? Увы,

бедный Барон давно находится в коматозном состоянии. Если уж Саше было не по себе в пропахшей бензином колымаге, то чуткому собачьему носу такой запах – это был просто нокаут.

Барон свернулся калачиком, глаза у собаки были закрыты. Со стороны могло показаться, что пес просто спит, но Саша умел разбираться в чувствах своего питомца и видел, что выражение морды Барона было самое страдальческое.

– Барон, – позвал он собаку. – Ты там как?

Барон мигом открыл глаза, поднял голову и вопросительно уставился на хозяина. А? Что? Разве есть варианты?

– Бедный ты мой, – опечалился за него Саша, – иди сюда!

И он похлопал по коленям. Барон тут же очутился на сиденье рядом с хозяином, устроился поудобнее и высунул голову на улицу. Теперь они уже вдвоем с наслаждением вдыхали свежий воздух. Но сам дядя Петя к их проделкам отнестся неодобрительно.

– Нечего собаку на сиденья пускать! Все чехлы будут после него в шерсти! Достаточно уже и того, что с твоего Барона на ковриках столько песка набирается, что впору собственный пляж открывать.

И видя, что его слова не производят впечатления, дядя Петя прикрикнул:

– Сашка! Ну, кому я сказал!

Пришлось им с Бароном прекратить свое развлечение. Пес вернулся под сиденье. А Саша уже в двадцатый раз по-

жалел, что не отправился в путь на своей машине. А все мама, которая заставила поехать с дядей Петей и его семьей. Захотелось ей, видите ли, побыть подольше со своей родней. Саша неодобрительно покосился на свою маму, понимает ли она, как опростоволосилась? Хотела пообщаться с родственниками, так и ехала бы с ними одна! Нет, заладила, не стоит бензин тратить, дядя Петя нас всех отлично довезет. В наше время не грех и сэкономить. Вот и сэкономили, что теперь все мучаются.

Но это было еще не все.

– Саша, и окно тоже закрой! – внезапно потребовала бабушка Эльза.

– Душно, бабуля.

– А мне дует!

Ехала она в теплом пуховике, на голове у нее была надета шерстяная шапка, сверху еще и повязанная шалью. Как в таком обмундировании можно было замерзнуть в погожий апрельский денек, Саша взять в толк не мог. Поэтому выполнять приказ бабушки и не торопился.

– Ты не слышал? – произнесла мама. – Эльзе Константиновне холодно!

Саша протянул руку, чтобы начать крутить ручку стеклоподъемника, спорить с женщинами, как известно, себе дороже, но тут в машине прозвучал еще один голосок:

– Почему никто никогда не спрашивает моего мнения? А?! Может, мне жарко! А Барону так ему точно душно. Вон

он как дышит, даже мне слышно. И Сашка вообще весь мокрый сидит, с него течет, как с Ниагары. Да и от тебя, дорогая тетечка, тоже не духами пахнет. И что теперь? Из-за одной вредной бабки, которая и так уже напаялила на себя весь гардероб, мы теперь должны париться в этой вонючей душегубке с закрытыми окнами?

Эту тираду произнесла Анечка – родная дочка дяди Пети, и она же внучка Эльзы Константиновны. Какое-то время все взрослые в шоке молчали, пытаясь прийти в себя от наглости пятнадцатилетней девицы, осмеливающейся так дерзко разговаривать со взрослыми.

– Хамка! – первым возмутился дядя Петя, обретя дар речи. – Немедленно извинись перед бабушкой!

В ответ Аня ехидно произнесла:

– Извини, бабуля! Извини за то, что ты выжившее из ума ископаемое, которое всем вокруг мешает жить так, как им нравится! Прости меня, но это так!

Саша отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Может, и не стоило Ане в таком тоне разговаривать с родной бабушкой, но упрекать сестренку он не мог. Эльза Константиновна за время пути уже основательно вынесла всем мозг. То ей казалось, что сын поехал не по той дороге, ни карты, ни подсказки «Алисы» из навигатора ее убедить не могли. Бабушка даже обозвала «Алису» железной дурой, на что та обиделась и заявила, что разговаривать в таком тоне не собирается.

Тогда Эльза Константиновна разволновалась, что ка-

кая-то железка смеет учить ее хорошим манерам, и потребовала остановиться, потому что ей нужно было достать лекарство, которое лежало в сумке, засунутой глубоко в багажник. Когда лекарство нашлось, потребовалась вода, чтобы его запить. Бутылочка с водой где-то была, но найти ее не удалось, а Эльза Константиновна требовала, чтобы ей дали именно ее воду, никакую другую она пить не желала. Потом все же согласилась на минералку, за которой потребовалось заехать на заправку, потом бабушке захотелось в туалет, потом было что-то еще, еще и еще. Фантазия старушки была неисчерпаема.

Вот и сейчас, услышав слова внучки, Эльза Константиновна тут же схватилась за сердце:

– Умираю! Петя! Угомони девчонку!

– Анька, замолчи! – рявкнул красный и потный дядя Петя. – Иначе, клянусь, я сейчас остановлюсь и надаю тебе ту-маков!

Угроза прозвучала достаточно убедительно, поэтому Аня не стала провоцировать. Но дядя Петя не успокаивался. Но возмущало его не отношение дочери к бабушке, переживал дядя Петя за свою машину.

– Ну ты, Анька, даешь стране угля! Надо же такое ляпнуть! Вонючая душегубка! И это о моей «ласточке»! Да что-бы ты знала, эта машина старше тебя на добрых двадцать лет. Да она тебе в матери годится!

Но Анька упорно не желала уважать возраст ни в челове-

ческом, ни в железном эквиваленте.

– Давно пора выбросить эту ржавую рухлядь на свалку! – возмущенно сказала она. – Тебе это все вокруг говорили, и не один раз!

– Это антиквариат!

– Ха-ха! Хлам!

– Еще десять лет, и моя «ласточка» точно будет цениться на вес золота!

– Никогда! – отрезала Аня. – Ни через десять, ни через двадцать, ни даже через сто лет этого не случится. Она просто сгниет и развалится вместе со всеми теми веревочками, которыми ты, папа, ее так любишь перевязывать!

– Нет, ты не права! У этой машины куча достоинств. И главное то, что моя «ласточка» сделана так, что я способен починить ее в любом месте и в любое время. Да я ее знаю всю как облупленную. Все ее болячки, все ее слабые места, сломалось у нее чего, я раз, и починил! Где-то провололочкой подтяну, где-то хомутик надену, и готово, и порядок. А разве с новой машиной я смогу так поступить? Там же все компьютер решает, а не человек! Мне эту премудрость вовек не осилить! Опять же в аварии моя «ласточка» сколько раз бывала, и все ей нипочем. У «ласточки» моей на задку легкая трещинка, а джип современный весь из себя такой навороченный в лепешку! Потому что джип – он консервная банка, а моя «ласточка» из железа!

Дядя Петя так обиделся за свою «ласточку», что совсем

забыл про умирающую от разрыва сердца мать, которая тяжело дышала рядом с ним. Жалобные стоны бабушки Эльзы тонули в громовых раскатах голоса ее сына. Дядя Петя разошелся не на шутку. От современного автопрома он перешел на воспитание подрастающего поколения. И проорал, что молодежь нынче совсем оборзела, ничего не ценит, никого не уважает. Расстроенный всем этим шумом Барон забился глубоко под сиденье, оттуда выглядывала только его перепуганная морда. Собака не выносила, когда близкие ему люди ссорились. Это делало пса совершенно несчастным. Он не знал, как ему реагировать, и страдал.

Саша наклонился к собаке и прошептал:

– Все в порядке, Бароша. Немного поссорятся, потом помирятся. Родные люди, с кем не бывает.

Саша потрепал пса по загривку, тот в благодарность лизнул его руку. Но из укрытия не выбрался. Там Барону казалось спокойней. И по-своему он был прав. Накал страстей в салоне старенькой «Волги» нарастал.

– Не видать вам моего наследства! – стонала бабушка Эльза, которая от злости сделалась совсем красной. – Все Мишке с Витькой оставлю. Так и знайте! Ни копейки ни тебе, Анька, за твою грубость, ни тебе, Петя, не оставлю!

– Маманя, – оторопел дядя Петя, – а меня-то вы за что в немилость записали?

– А чтобы знал, как таких грубиянок растить!

На это дядя Петя справедливо заметил, что Эльза Кон-

стантиновна живет с ним и его семьей вот уже пятнадцать лет, на ее глазах появилась на свет Аня, на ее руках воспитывалась, и ее же стараниями девочка теперь превратилась именно в то, что все и видят.

– Не вы ли, маманя, запрещали мне девчонку шлепать, когда я ей в детстве люлей пытался прописать? И Марине вы не позволяли Аньку воспитывать. Вечно за девчонку горой. То, что из нее выросло, вашими стараниями выросло!

Но Эльза Константиновна, подобно многим пожилым людям, давно утратила способность критически воспринимать собственные действия и не желала признавать свои ошибки. Она сейчас знала лишь то, что ее обидели, а почему и как это произошло, разбираться не желала.

– Ни копейки! – брызгая слюной, вопила она. – Ни рублика! Ни монетки! Все Мишке с Витькой!

– Один же пьяница, другой наркоман. Ваши собственные слова.

– Зато с матерью они всегда почтительны.

– Ну-ну, – хмыкнул дядя Петя обиженно. – Дело ваше, маманя. Отдавайте, конечно. По мне, так вы хоть вовсе папенькину коллекцию в воду выбросьте.

Наверное, он хотел объяснить матери, что воля матери для него закон, но вышло только хуже. Эльза Константиновна восприняла это как неуважение к памяти мужа.

– Теперь я понимаю, в кого Анька у нас такая хамка выросла! Надо же такое ляпнуть! Выбросить коллекцию, ко-

торуую до тебя собирали пять поколений семьи Тюлькиных. Все! Если раньше я еще сомневалась, как мне поступить, то теперь точно знаю, никто из вас троих ее не получит!

В общем, до места назначения все успели поссориться, потом помириться, потом снова немножко поссориться. До-ехали весело, скучно никому не было – это точно. Что ка-сается Барона, то он выскочил из «Волги» первым и начал стремительно носиться кругами, ничего не видя и лишь тор-жествуя, что он снова на свободе. Поэтому пес то и дело на-летал на чьи-то ноги, вилял хвостом и, кидаясь из стороны в сторону, вел себя словно конченный сумасшедший.

Разумеется, такое поведение собаки тут же вызвало неудо-вольствие у хозяина дома.

– Угомони своего пса, Сашка!

– Он просто радуется, дядя Витя.

– Угомони, я сказал!

Саша подозвал Барона к себе и велел сидеть рядом. Ви-дя такое безукоризненное послушание, Дядя Витя смирости-вился и даже хотел погладить собаку, но Барон недовольно рыкнул, хотя никогда агрессии к людям не проявлял. А вот дядя Витя чем-то сильно ему не нравился, и Саша собаку понимал. Он и сам никогда особенно не любил этого свое-го родственника. И он, и его жена всегда были важные да самодовольные, всех поучали, ко всем относились свысока. Не самыми приятными людьми было это семейство, состо-ящее всего из двух человек. И хотя денег у них всегда бы-

ло завалились, никто из остальной родни не мог похвастаться тем, чтобы они кому-нибудь хоть чем-нибудь помогли. Оба супруга жили по принципу: что мое, то мое, а что твое, тоже мое. Саша и сегодня поехал к ним только ради мамы, которая хотела кое-кого повидать из родни, которая собралась в доме у дяди Вити в большом количестве.

Повод имелся достойный. Сегодня Виктору исполнялось пятьдесят лет. Ну, не совсем сегодня, полтинник ему стукнул два дня назад. Но и свой юбилей дядя Витя отмечал уже не первый день. Начал он отмечать его еще в офисе с сотрудниками своей фирмы, которые от души чествовали генерального, так что принесли его домой буквально на руках. Это была лишь закуска. На другой день юбиляра поджидало основное блюдо, за ним он переместился с лучшими друзьями, тоже все сплошь генеральными, в ресторан. А уже сегодня наступил черед родни, это был десерт, который дядя Витя принимал у себя дома, потому что желал побыть в спокойной домашней обстановке.

Но про себя все гости думали другое и не стеснялись высказываться:

- Зажилил Витька для нас ресторан.
- Кто мы ему такие? Подумаешь, родня!
- Рылом мы не вышли с Витиными важными друзьями за одним столом сидеть. Вот в чем дело!
- А Ритка его еще и сэкономить не прочь. Даром что дом ломится, ей все мало.

– Шашлыки, закуски и торт, – очень похоже передразнил жену Виктора худенький миловидный юноша – Толик.

– Ну и выпивка еще, – подхватила Алена. – Бери, что подешевле, будет с них и этого!

Алена приходилась родной сестрой Толику. Они оба были детьми дяди Пети от первого брака. Их мать – Этельберта, или как ее звали в семье, просто Этель, тоже находилась тут. Смешливая толстушка, она казалась моложе своих лет из-за того, что полное и круглое ее лицо с туго натянутой кожей было почти полностью лишено морщин. С ней-то, главным образом, и хотела встретиться мама самого Саши.

Этель была ее давней подругой. А Саша, мало с кем из этих своих родственников общавшийся, все же немного дружил с Аленой и Толиком. Несмотря на то что брат с сестрой внешне были совсем не похожи друг на друга, он светленький и грациозный, она тяжеловесная брюнетка, но родней их, казалось, невозможно было никого найти. Брат с сестрой всегда держались вместе. С самого детства они были, как говорится, не разлей вода. И Толик, который был старше Алены всего на один год, всегда с неимоверной нежностью опекал свою сестренку. Трогательно было видеть, как сам, еще не очень уверенно передвигаясь, он уже торопился отогнать от Алены страшного рыжего соседского кота или даже ворону, посмеившую усесться слишком близко от его любимой сестрички.

Едва войдя за ограду, Саша усмехнулся. Алена с Толиком

обрисовали предстоящее праздничное застолье предельно точно. Во дворе уже дымились два больших мангала, а круглая жаровня для барбекю ждала свою порцию отбивных. Дядя Витя выглядел немного утомленным, третий день праздника давался ему с трудом. Не мальчик уже. Он уже встретил мать, которая тут же попеняла сыночку на то, что он очень плохо выглядит, обрюзг от пьянства и катится по наклонной.

– А еще генеральный директор! – несколько раз повторила она, стараясь, чтобы фраза про генерального звучала громче и все бы вокруг ее услышали, словно был еще кто-то, кто не знал о занимаемой должности дяди Вити. – На тебя люди равняются! Ты для них авторитет, начальство! А мать все же послушай. Кто тебе еще правду скажет, если не родная мать?

И теперь дяде Вите было нужно немножко прийти в себя после общения с родительницей. Он снова уселся в кресло, поглядывая по сторонам со своим обычным ленивым с прищуром взглядом, но Саша заметил, что обычной самоуверенности у дядечки сейчас поубавилось. Эльзу Константиновну все ее три взрослых сына уважали и в глубине души немного побаивались.

Несмотря на то что Эльза Константиновна называла Витьку пьяницей, настоящим алкоголиком он никогда не был. Пил много, что верно, то верно, любил это дело, но и в запой не уходил, и на рабочем процессе его пристрастие к выпивке в отрицательную сторону никогда не сказывалось. Но поче-

му же мать, будучи не в духе, неизменно называла его пьяницей? Да очень просто! В десятом классе Витька устроил у себя дома шумную вечеринку, во время которой неожиданно вернулись родители, застав своего сыночка, валяющегося на полу и буквально не вяжущего лыка. Это и послужило причиной тому, что Витя навечно был записан матерью в «пьяницы».

Что касается третьего брата – Миши, то он тоже был на празднике. Изящный и грациозный, каждым своим движением он выдавал тайну своего происхождения. Да, Миша или Мишель, как звали его в семье, не был родным сыном Эльзы Константиновны и ее мужа Юрия Семеновича. Маленького Мишеля эти двое усыновили, когда тот потерял своих родителей. Он приходился каким-то очень дальним родственником деду Юре – мужу Эльзы Константиновны. И тот решил, что должен взять мальчишку к себе.

– Пусть растет с нашими двумя.

– Где двое сыты, там и третьему кусок найдется, – поддержала его жена.

И все же злые языки шептались, что Эльзой Константиновной двигали отнюдь не добрые чувства, а усыновление ей было нужно для того, чтобы получить статус многодетной семьи, а вместе с ним пособия и прочие льготы. Что касается Юрия Семеновича, то про него открыто говорили, что вместе с Мишей в семью пришел достаток, так как у родителей мальчика имелась тугая кубышка, припрятанная на «черный

день». И Юрий Семенович эту кубышку распотрошил совершенно. Еще в те годы он в Курортном районе неподалеку от залива на свое имя и на имя жены купил два дома.

Домики эти были старенькие, под снос, но оба они стояли на больших земельных участках. А после приватизации Юрий Семенович эти дома и участки успешно превратил в собственность. Ветхие дома он тут же снес, а на их месте выстроил в одном месте придорожный ресторанчик с баром и мотелем, а в другом магазин. Оба помещения он тут же сдал в аренду. Также Юрий Семенович вовремя смекнул, что выдаваемые государством ваучеры – это не просто какая-то бумажка, а вполне реальная способность заработать. Эти ваучеры он скупал у своих сослуживцев, которые такой дальновидностью не отличались. И как-то на собрании акционеров неожиданно выяснилось, что у никому раньше не известного тихого кладовщика имеется почти такой же пакет акций, как у всей дирекции вместе взятой.

Все эти затеи требовали финансовых вложений. Поговаривали, что и дома, и участки, и ваучеры – все было куплено на те деньги, которые пришли в семью вместе с Мишей. Так это было или нет, сказать теперь было трудно. Но сам Миша, которому не досталось никакого наследства, сумел пробиться в жизни сам. Мальчик всегда сильно отличался от семьи Тюлькиных – тяжеловесных и грузных. Всем им, что называется, медведь на ухо наступил. А Миша, помимо стройности и почти эльфийской грациозности, обладал еще и чистым,

идеальным слухом. В музыкальную школу мальчик ходил с удовольствием. Самостоятельно сдал экзамены в эстрадное училище, где впервые попробовал «травку», попался на этом и тем самым дал повод Эльзе Константиновне навечно записать себя в «наркоманы».

Нет, никаким наркоманом Миша не стал, а стал он вполне преуспевающим эстрадным артистом, сумел сколотить ансамбль, с которым до сих пор гастролировал по стране и даже по миру. К тому же Миша всегда нравился женщинам, причем женщинам богатым, которые осыпали его своими милостями и подарками. Женат он был трижды. И в каждом браке при разводе что-нибудь да и получал от супруги «на память». В первом случае это была квартира. Во втором машина. В третьем браке Мишель и вовсе словил джек-пот, в подарок он получил пусть и небольшой, но очень симпатичный отельчик с садом, переходящим в длинные ряды виноградников, заканчивающихся уже собственной маленькой винодельней. И находилось все это счастье не где-нибудь, а в солнечной Франции.

Итак, все сыновья Эльзы Константиновны, и приемный, и двое родных, собрались под одной крышей. Другая мать на месте старухи была бы счастлива или хотя бы сделала вид, что счастлива. Но Эльза Константиновна была слеплена не из того теста, чтобы позволить окружающим расслабиться хоть на минутку. Она моментально нашла новые поводы для своего недовольства.

– Где моя сумка! Немедленно принесите мне мою сумку из машины! Толя! Витя! Петя! Мишель! Сумка!

И лишь получив сумку, Эльза Константиновна позволила всем остальным своим родственникам поприветствовать себя.

Глава 2

Первому досталось Мишелю.

– Михаил, кажется, я запретила тебе приводить сюда эту женщину, – с места в карьер начала Эльза Константиновна. – Скажи ей, что ей тут не рады, что твоей маме она не нравится. Сделай так, чтобы она убралась.

– Это будет выглядеть чудовищно невежливо.

– Меня ее присутствие раздражает! Она не нашего круга. Если подобрал где-то оборванку, так будь добр, держи ее от своей семьи на расстоянии.

Речь шла о новой подружке Мишеля. Это была совсем юная певичка, от которой сам Мишель был без ума. Неудивительно, что от слов матери его перекосило.

– Мама, будь добра, говори тише. И пожалуйста, отзывайся о Веронике хотя бы вежливо.

– С какой это стати мне расшаркиваться перед всякой дрянью? Пусть убирается, я так хочу!

Вопреки просьбе сына, Эльза Константиновна повысила голос, чтобы уж точно все ее услышали. Все и услышали. И начали перешептываться, поглядывая в сторону Вероники, которая изо всех сил делала вид, что ничего не слышит. Была она девушкой высокой, худой и очень бледной. О себе рассказывала, что она певица. Наверное, в сценическом гриме и в свете софитов Вероника могла выглядеть эффектно,

но сейчас без макияжа она была похожа на какую-то мокрицу.

Веронике явно не нравилось, что она слышит в свой адрес от матери Мишеля. Девушка кусала губы, но глаза у нее сердито сверкали.

Мишель тоже начал терять терпение.

– Мама, не забывай, что ты говоришь о моей будущей жене. Возможно, матери твоих внуков!

– Что? Внуков? Эта дрянная девчонка еще и беременна! Уж точно не от тебя! Учти, Мишка, если вздумаешь на ней жениться, прокляну обоих! На порог не пущу! Помру, а на похороны тебя не позову!

И чрезвычайно рассерженная Эльза Константиновна повернулась к Этельберте. Той досталось и того похлеще.

– А тебя кто сюда звал? Это семейный праздник! Развелась с Петром, так и не суйся к нам больше! Сколько лет уже вы в разводе, а все не могу от тебя избавиться. Куда ни придишь, всюду твоя хихикающая рожа! Тьфу на тебя!

Следующим под горячую руку попалась жена именинника – тетя Рита. Ей матушка ласково посоветовала еще больше поить мужа, чтобы скорее стать вдовой.

– Ты же только этого и ждешь! Вон и сестрица твоя прискакала! Ждете не дождетесь, когда Витя умрет, а вы на его костях богачками сделаетесь.

Оделив всех, кто встретился ей на пути, материнским напутствием, Эльза Константиновна заявила, что устала с до-

роги.

– Конечно, тут этого никто не понимает, всем на меня наплевать, но я заставляю вас считаться со мной! Вы у меня еще попрыгаете! Вспомните, как не стали выполнять мои пожелания, как не слушались, да только поздно будет!

И вздорная старуха ушла в спальню, куда ее проводила тетя Милена – сестра тети Риты. Для всех прочих осталось за кадром, что сказала Эльза Константиновна этой своей родственнице, но когда Милена вышла обратно к гостям, на ней буквально лица не было.

– Ты что-то очень уж бледная, – заметила Этель, которая, несмотря на развод, сумела сохранить хорошие отношения со всеми членами семейства своего первого мужа, ну или почти со всеми. – Старая гримза и тебя сумела достать? Что она говорила? Небось снова пугала, что оставит нас всех без гроша в кармане?

Милена кивнула головой и взглянула на подруг. Взгляд у нее был какой-то затравленный. Похоже, она очень близко восприняла угрозы бабули оставить их всех с носом.

– Не обращай внимания!

– Но как она смела подозревать меня в том, что я хочу смерти Вити!

Это воскликнула тетя Рита. И Саша увидел, как его мама положила руку на плечо тети Риты, сочувственно поглаживая ее.

– Ты же знаешь, что это все пустое! Бабушка Эльза у нас

всегда была с характером.

– Но с годами она стала вести себя просто невыносимо. Удивляюсь, как это Петя с ней уживается.

– Петя! – воскликнула Этель. – Петя – ее родной сын, куда ему деваться? А вот как его Маринка выдерживает, у меня большой вопрос!

Мариной звали нынешнюю жену дяди Пети, мать Ани, которая на праздник поехать не смогла, потому что дежурила на работе. Но Саше почему-то казалось, что дело тут не только и не столько в работе. Просто тете Марине и так хватало общения с дорогой свекровью в будние дни, чтобы проводить с ней еще и праздники. И упрекать ее за это не приходилось. Правы родственники, характер у бабули Эльзы становился с возрастом все хуже и хуже.

– И откуда у нее эта мания величия? – не унималась Этель. – Что она вас все каким-то наследством пугает? Подумаешь, богачка нашлась! Давно у нее уже и нет ничего. Что у них было нажито, то они с дедом Юрой давно уже сыновьям отдали. И магазин, и ресторан, и квартиры.

Справедливости ради надо было сказать, что все нажитое отдано было двум старшим мальчикам – Пете и Вите. Младшему Мише не досталось от приемных родителей ровным счетом ничего. Он ушел в большой мир, имея за пазухой лишь паспорт и свой талант. И, по общему мнению родни, при столь жалком старте Мишель очень неплохо преуспел. Что касается дяди Пети, то ему родительское наслед-

ство впрок не пошло. Делами он управлять не умел. Ресторан быстро прогорел, и он его продал за сумму куда меньшую, чем мог бы за него выручить. Дядя Витя наследство родителей – магазин – тоже давно продал, но продал выгодно, потому что место было отличное, совсем рядом проходила трасса. И дядя Витя вырученные за продажу магазина деньги умело вложил в дело и до сих пор получал с них отличные дивиденды.

– Что еще есть такого у старухи, чем она может вас шантажировать? – продолжала Этель. – Ритка, скажи мне!

– Не хочу, – вздохнула тетя Рита. – Давайте лучше праздновать.

– И то правда! – воскликнула тетя Этель. – Петя, налей мне винца.

И смеясь, она приобняла своего бывшего мужа.

– Да, лей-лей, не жалея! А то у меня голова разболелась после того, как я с твоей мамашей пообщалась.

И, выпив вина, она спросила у дяди Пети:

– Ну а все-таки, что твоя мамаша еще такое припрятала, чем вас всех теперь в кулаке держит? Вот же старая карга! Что за козыри она еще нашла у себя в рукаве?

Саша ожидал, что дядя Петя сейчас велит бывшей супругнице попридержать язык. Но, похоже, дядя Петя вновь попал под очарование своей Этельберты, потому что поглядывал он на нее с большой симпатией и лишь ухмылялся, слушая, как она чихвостит его родную мамулю. Но отвечать

на вопрос не торопился, за него это сделала Аня.

– Вы бы, тетечка Этель, отодвинулись бы от моего папы, – сказала девочка, сверля мачеху недобрым взглядом. – Теперь он уже не ваш муж, а мамин. А что касается бабушки, то у нее есть коллекция золотых и серебряных монет, которую дедушка Юра собирал всю свою жизнь. А до него его отец, а до отца дед, а до деда, кажется, еще прадед. И коллекция эта стоит огромных денег. Кому она достанется, тот дальше вообще может в жизни пальцем о палец не ударить, только продавать одну монетку за другой, этим и жить. Коллекция находится у бабушки, вот она ею, как желание находит, так и щеголяет перед нами.

Этель внимательно выслушала и искренне удивилась:

– Монеты еще в семье? Я была уверена, что коллекция давно промотана!

– Чтобы бабка Эльза что-то промотала? Ты в своем уме?

– Но свекровь, желая ткнуть меня лишний раз в то, какая она добрая да справедливая, рассказывала мне такую историю. Старшим сыновьям от них досталась вся недвижимость, которой они владели. Но зато уж Мишеньке, хоть он и не кровный и вообще никто, они с мужем отдали самое дорогое и ценное, что у них было, – коллекцию этих самых монет!

– Думаю, ты что-то не так поняла, – рассмеялась дядя Петя. – Не могла тебе мама такого рассказывать. Да она над этой коллекцией трясется, как не знаю, кто и над чем. Всюду

монеты с собой таскает. Даже сюда в сумке альбом привезла.

Этель тоже расхохоталась:

– Врала, выходит, мне твоя маменька. Лапшу на уши вешала. Ну а сюда-то зачем монеты притащила? Почему дома не оставила?

– Воров боится.

– Что же там за коллекция? Хотя бы одним глазком взглянуть.

– Монеты, – пожал плечами дядя Петя, – лежат в специальном альбоме, который еще отец сам для них приобрел. Для каждой монетки свое мягкое гнездышко, чтобы не поцарапалась, не потерялась.

– Тяжелый, наверное, альбомчик?

– Да не очень. Монет всего около сотни. Каждая в среднем весит тридцать граммов.

– Килограммчика на три, выходит, потянет?

– Где-то так, – кивнул головой дядя Петя и, заметив пристальный взгляд дочери, отпустил талию своей бывшей супруги и отправился с тостами к другим родственникам.

Аня продолжала ревниво следить за мачехой, готовая перехватить ее, если та вздумает двинуться в ту же сторону. Но Этельберта не стала этого делать. Она и думать забыла про дядю Петю, а замерла в задумчивости, словно обдумывая какую-то мысль. А затем направилась в толпу гостей, но совсем в противоположном своему бывшему мужу направлении. Саша увидел, что тетя Этель подошла к Мишелю и о

чем-то с ним заговорила. И почему-то Саше показалось, что разговор идет о тех злополучных монетах, которые бабушка Эльза вроде бы и подарила своему пасынку, а вроде бы и нет.

Праздник шел своим чередом, и отсутствие Эльзы Константиновны никого не смущало. Если кто-нибудь из родни и вспоминал, что дамы что-то давно не слышать, то старался запрятать эту мысль поглубже. Никому не хотелось, чтобы сварливая старушка присоединилась бы к их компании и вновь принялась осыпать всех своими колкостями.

Надо сказать, что ни Саша, ни даже его мама, приходившаяся родной племянницей Эльзе Константиновне, не питали особенно нежных чувств к этой ветви своего генеалогического древа. Да и трудно было их питать, учитывая особенности характеров членов этого семейства. Но родня есть родня, от нее никуда не денешься. Время от времени приходилось встречаться для поддержания статуса. К тому же у мамы тут среди собравшихся находилась подруга – тетя Этель, а Саша числился в друзьях у Алены.

Кроме родни самого дяди Вити, на празднике присутствовали еще и родственники со стороны Риты – ее сестра и двое ее дочерей. Девушек звали Катрина и Полина. Старшая тут же принялась строить глазки Саше, а младшая прилипла к Ане, чему та была совсем не рада, она с куда большим удовольствием пообщалась бы с Толиком и Аленой, но тем, в

свою очередь, было не до Ани. Но если у Ани получалось отбиваться от младшей липучки, то Катрина прилипла к Саше так крепко, словно намеревалась всю жизнь вот так провести рядом с ним.

– А хочешь, я покажу тебе весь дом? Ты же его, наверное, еще толком и не видел?

– А ты видела?

– Мама приезжает к тете Рите почти каждые выходные. И нас с собой берет. Пока дяди Вити нет, мы тут и ночевать остаемся, и всюду лазаем.

Интересно, невольно задумался Саша, а где это дядя Витя проводит время по выходным, если домой даже ночевать не приходит?

– Тете Рите одной страшно тут по ночам оставаться, – продолжала Катрина. – Дом дядя Витя купил такой огромный, что в нем даже заблудиться можно. Мы с Полиной сначала тоже боялись далеко уходить, но потом пообвыклись немного, и страх ушел. Хотя три этажа...

И девушка повела Сашу по дому. Тут и впрямь можно было запросто заблудиться. Архитектор то ли был изначально не в себе, то ли ему просто пришла охота подурaczyć, но здание получилось до того запутанным, что впору тут было передвигаться с картой и компасом. К тому же, помимо путанных ходов, частенько пересекавшихся друг с другом и вновь расходящихся в разные стороны без видимой цели, дом был еще и огромен. В нем было целых три этажа, соеди-

ненных между собой многочисленными лестницами. Лично Саша насчитал их не меньше шести, некоторые вели к главному входу, другие устремлялись в хозяйственные помещения.

– Я не понимаю, зачем дяде Вите с тетей Ритой такой огромный дом, – произнес Саша потрясенно. – Они живут вдвоем. Трех-четыре-х комнат им бы хватило за глаза. А тут не меньше тридцати жилых комнат.

– Номеров!

– Как это?

– Дядя Витя хочет открыть тут отельный бизнес.

Это для Саши было новостью. Но все равно было странно. Дом стоял в уединенном месте, вокруг был лес. Кто и с какой целью захочет селиться в таком отеле?

– Дядя Витя планирует организовать тут курорт, – продолжала трещать Катрина. – Тут неподалеку есть озерцо... даже не озерцо, а так, болотце, вода там стоячая и темная, дна не видно, берега низкие, не подойдешь. Но местные используют грязь из этого озера, говорят, что она лечебная.

– Ну, допустим, – задумался Саша. – Но это в летний период. А зимой?

– Зимой тут на лыжах можно кататься. Санки, собачьи упряжки, озеро зимой замерзает, на коньках кататься можно. Как тебе такая идея?

– Прямо скажем, идея так себе.

– Почему?

– К дому не подведен газ. Это раз! Тут есть лишь электричество, но много ли на одном электричестве можно сделать? Во-вторых, в доме нет центрального водопровода. Это два. Воды из скважины может хватить на нужды нескольких человек, но никак не на тридцать-сорок, да если еще все дружно решат помыться или принять душ. Холодной водичкой они мыться не захотят, нужно будет воду нагреть. И моментально возникнет коллапс всей энергетической системы дома.

– Какой ты скучный! – надулась Катрина. – Мы с тетечкой уже все так хорошо придумали и обдумали, а вы – мужчины – вечно все портите. Что ты, что твоя дядя!

– Значит, дядя Витя тоже считает, что отель в таком доме и месте – это глупость?

– Нет, он сказал не так. Он сказал, что отель – это здорово, но не сейчас.

– Зачем же ты сказала, что это он хочет тут отель открывать?

– Ну, он же сказал, что идея ему нравится. Это во-первых. А во-вторых, он или тетя Рита, какая разница? Если тетя Рита этого хочет, то и дядя Витя тоже вскоре захочет. Вот увидишь!

Но все-таки была у Катрины, помимо прочих разговоров, еще какая-то своя потайная мысль, ради которой она и вытащила Сашу на экскурсию по дому. И, видимо, мысль эта заключалась кое в чем очень, на взгляд Катрины, прият-

ном. Потому что неожиданно Саша почувствовал толчок в бок, дверь открылась, и они двое оказались в весьма миленькой комнатке. Занавески были задернуты, благодаря чему в комнате стоял романтический полумрак. Катрина прильнула всем телом к Саше, потом он почувствовал ее губы на своем лице и понял, что девушка его целует.

– Ты это чего? – прошептал он.

– А ты чего?

– Ты чего задумала?

– Сам не догадываешься? Объяснить? Я могу!

Катрина многозначительно потерлась о Сашу, видимо, намекая, что не прочь, чтобы и он поерзал по ней в ответ.

– Обними меня. Прижми к себе. Да нет же, глупый, сильнеей! Сильней!

Неизвестно, чем бы все это закончилось, потому что Саша был мужчиной молодым и холостым, а Катрина – девушкой весьма легкодоступной, но тут из другого угла комнаты донесся скрипучий старческий голос.

Катрина громко ахнула:

– Кто здесь!

Это была все та же Эльза Константиновна, которая произнесла:

– Вот лежу тут и думаю, кто же первым обо мне вспомнит. А это ты, Сашок!

Катрина взвизгнула и ринулась к двери. Не прошло и секунды, как ее и след простыл.

– А кто это с тобой был? Что за девушка?

– Катрина.

– Шалава! – с явным удовольствием констатировала бабка. – Как и ее мать! Как вся их семейка! Говорила я Витьке, не женись на проститутке, но разве же он когда-нибудь мать слушал? Залил zenки да и женился на интердевочке!

– О чем вы говорите?

– Не знал, что Ритка раньше валютной проституткой подрабатывала? Ну да, были такие девки, которые с иностранцами за валюту спали. Подсудное, между прочим, дело. Но всех интердевочек КГБ пасло, девки с иностранцами спали, а те им секреты выбалтывали.

– Когда это было! Еще при СССР!

– И что? Если человек смолodu гнилой, так он и с годами лучше не станет. Если в яблочке червячок поселился, сможет яблоко вновь стать целым?

– Нет.

– Вот то-то и оно! Другое дело, что сынок мой тоже тот еще подарочек, ты про своего дядю всего того не знаешь, что я знаю, так что они, можно сказать, друг дружку нашли. Но это их дело, я их судить не вправе, у самой грехов предостаточно. Только вот этого они от меня не получат!

И Эльза Константиновна потрясла в воздухе чем-то похожим на книгу в твердом переплете. Книга, судя по всему, была весьма увесистой, удерживала ее бабка с заметным трудом.

– Пусть даже не надеются получить их от меня!

Внутри книги что-то отчетливо гроыхало, и внезапно Сашу осенило, что это может быть такое. Да это же тот самый знаменитый альбом, приобретенный еще дедом Юрой для своей замечательной коллекции. Но одновременно Саша отметил и еще одну вещь, что цвет лица у пожилой женщины какой-то подозрительно красный, прямо свекольный. И дышит она с заметным трудом.

И он с тревогой спросил:

– Бабушка Эльза, вы себя хорошо чувствуете?

Но она, словно и не слышала:

– Пусть даже не надеются! – кричала бабка, явно вся в своих мыслях. – Никому ничего не дам! Ни Петьке! Ни Мишке! Ни Витьке! Витьке тем более не дам! Ничего! Никогда! Ни монетки! Ни соверена! Ни луидора! Ни ду... ду... дуката...

Дыхание у Эльзы Константиновны внезапно прервалось. Рука с зажатым в ней альбомом с монетами упала вдоль тела, а лицо женщины приобрело нехороший белый цвет. Контраст с тем свекольным румянцем, который только что заливал все ее лицо, был тем разительней, что бледность начала переходить в синеву. Происходило это с пугающей быстротой, и Саша подбежал к бабушке.

Схватил за руку, но тут же спохватился, увидев безумный взгляд женщины. Говорить она не могла, дышала и то с трудом, но все же тянула к себе Сашу. Ему стало жутковато, показалось, что бабушка хочет сотворить с ним что-то жуткое.

Отчего-то в голову полезли непрощенные мысли о том, что потомственная ведьма не может умереть, куда не передаст свой дар, он же проклятие, кому-нибудь из близких. Но тут же Саша устыдился, вот тюфяк, испугался пожилой женщины. Да и колдунья женского пола должна была передать свой дар кому-нибудь из девушек. Нечего ему бояться двоюродной бабули.

– Возьми!

И в руки Саше скользнул альбом. Был он тяжеленький, но молодому человеку некогда было его разглядывать.

– Поклянись, – шептала Эльза Константиновна свистящим шепотом, словно ей отчаянно не хватало дыхания. – Поклянись мне! Никому! Ничего! Ни единой монетки!

И тут она внезапно разразилась таким громким кашлем, что у Саши даже уши заложило. Но при этом он с облегчением убедился, что, закашлявшись, старушка стала выглядеть лучше. И бледность ушла, и свекольный румянец не вернулся. Нормальный естественный цвет лица получился. Но вот дотронувшись до бабушки, Саша понял, что у нее сильный жар. Старушка буквально горела. Теперь по ее лицу тек пот.

– Вы заболели! – испугался Саша. – Вам нужен врач!

Саша начал судорожно вспоминать, какой номер годится для вызова врача. Но все мысли Эльзы Константиновны по-прежнему были вместе с ее альбомом.

– Спрячь! – шептала она. – Убери его! Я тебе верю!

Но Саше было не до монет.

Он кинулся к дверям, крича:

– Сейчас же вызовите врача! Бабушке Эльзе плохо!

Оглянувшись и увидев, что Эльза Константиновна лежит как-то подозрительно тихо и не шевелится.

– Умерла!

Разумеется, возглас Саши сработал с точностью до наоборот. Вместо того чтобы бежать за врачом, все сорвались со своих мест и рванули в комнату к старушке. Услышав топот ног своих многочисленных родственников, Саша схватил альбом и сунул его в ящик письменного стола, прикрыв какими-то бумагами. Ящик запирался на ключ, который Саша и повернул. Теперь альбом находился в надежном убежище, а Саша смог вернуться к Эльзе Константиновне.

Первым в комнату ворвался дядя Витя и тут же обругал Сашу:

– Что ты с ней сделал?!

Саша пытался объяснить, что уже застал Эльзу Константиновну в плохом состоянии. Но дядя Витя не стал его слушать. Он упал на кровать, на которой лежала его мать, и горестно заломил руки:

– Мамочка! Мама! На кого же ты нас оставила! О, какое горе!

Он обнимал женщину, целовал ее, тормошил, пытался вернуть ее в сознание. Саша удивился. Что-то раньше он не замечал у дяди Вити такого эмоционального накала чувств. Но тут же Саша заметил, что, рыдая возле своей матери и

делая вид, что обнимает ее, дядя Витя шарит в складках мехового одеяла, которым была укрыта женщина. Похоже, не так уж он был убит горем, если пытался нащупать нечто, что там могло находиться. Обшарив всю кровать и убедившись, что ничего, кроме Эльзы Константиновны, нету, дядя Витя на мгновение замер в недоумении.

А потом воскликнул:

– Как я забыл! У нее же была с собой сумка!

– Сумка?

– А в сумке лекарства! Где ее сумка?

И дядя Витя свирепо уставился на Сашу.

– Где сумка?

– Я не знаю. Я не видел!

К этому времени в комнате собралось уже достаточно народу, и дядя Витя распорядился:

– Все ищем мамину сумку!

Сумка нашлась быстро, она стояла за кроватью. Ее нашел дядя Петя.

– Дайте ее мне!

И дядя Витя выхватил сумку из рук брата, хотя, по логике вещей, именно дяде Пете лучше было заняться поиском лекарств в сумке у своей мамы, благо что он жил с ней под одной крышей и, наверное, знал, что и в каких случаях принимала старушка. Но дядю Витю интересовали не лекарства. Он заглянул в сумку, и лицо его перекошилось от разочарования. Саша хорошо его понимал. Альбома в сумке не было.

Глава 3

Словно не веря своим глазам, дядя Витя перевернул сумку, вытряхнув из нее все, что там находилось. Высыпалось немало всяких мелочей, в том числе и какие-то лекарства, но на них дядя Витя еле взглянул.

– Где? – прошептал он. – Где же они?

– Что ты ищешь? – спросил дядя Петя у брата. – Альбом? Монеты?

– Да какие монеты? – очень правдоподобно возмутился дядя Витя. – Кто станет думать о каких-то монетах в такой момент! Кстати, ты не видел, куда мать их сунула?

Но дядя Петя отрицательно покачал головой. Вид у него тоже был встревоженный. Но оказалось, все-таки не из-за монет.

– Врача мы вызвали. Он велел ничего не предпринимать.

– Мы ничего и не можем.

– Она вся горит. Надо ей сбить жар.

Принесли влажное полотенце, которое положили на лоб женщине. Кто-то принес жаропонижающее, очень хорошее, импортное и забористое, но встал вопрос, как влить его в Эльзу Константиновну. Старушка впала в забытие, разжать ей зубы можно было разве что силой. Никто не отважился это делать, решили ждать врачей.

– Она уже была больна, когда приехала.

– Еще раньше заболела. Ей уже в пути нездоровилось.

– И вчера она от ужина отказалась, – вспомнила Аня. – Даже свой любимый торт не попробовала. И утром вместо завтрака лишь чашку чая выпила. Зачем она поехала, если чувствовала, что заболела! Осталась бы дома! Если заболела, нужно лежать, а не по гостям шляться да людей заражать.

– Аня, что ты говоришь! Постеснялась бы!

– А зачем она поперлась в такую даль, если плохо себя чувствовала? Теперь она разболеется, а нам за ней ухаживать!

Но оказалось, что ухаживать никому за больной не придется. Врач, едва приехав, тут же распорядился:

– Немедленная госпитализация!

Дядя Витя встрепенулся:

– Подождите, куда это вы ее увозите?

– В больницу!

– Что? Какая еще больница?

– Без госпитализации нельзя.

– Что с ней такое?

Врач замаялся, явно не желая отвечать. Но дядя Витя нагнулся на него, да и другие родственники сгрудились за его спиной. И врач решил, что лучше не рисковать.

– Не хотел вам говорить, но по области ходит вирус атипичной скарлатины.

– Это еще что за дрянь?

– Та же скарлатина, но протекает куда более серьезно.

– Поправьте меня, – произнесла тетя Этель, – но ведь скарлатина – это же детская болезнь. Ею болеют дети до десяти лет.

– Потому ее и называли атипичной, что ею болеют и дети, и взрослые, и даже глубоко пожилые люди.

– Но скарлатину вызывает стафилококк, а никак не вирус. У меня дети болели, я уж знаю.

– Название болезни дано по схожим симптомам, а так, конечно, атипичная скарлатина к обычной скарлатине не имеет никакого отношения. Название дано по схожим симптомам. Сыпь на теле, ангина, высокий жар, который очень трудно сбить.

– Эта болезнь... смертельна?

– Увы, вероятность летального исхода весьма высока.

Алена заплакала:

– Что вы говорите? Бабушка может умереть?

– Впрочем, возможно, я еще ошибаюсь. И у вашей бабушки всего-навсего обычная ангина! А сыпь на теле... следствие неумеренного потребления сладкого. Любит ваша бабушка сладенькое? Вижу, что любит. Не переживайте, в больнице за ней будет хороший уход. У нее возьмут все необходимые анализы, установят, что с ней такое, назначат лечение. Когда состояние стабилизируется, вы сможете ее забрать домой. Но сейчас оставлять ее тут... я бы не рекомендовал. Может понадобится экстренная помощь, а в домашних условиях оказать ее будет затруднительно. Вы можете

потерять свою бабушку, тогда как в больнице у нее появляется хороший шанс выжить. Так что? Согласны вы с моим предложением? Госпитализируем старушку?

Все дружно закивали головами. Слова доктора нагнали на всех такой жути, что женщины побежали собирать вещи, а мужчины предложили свою помощь, чтобы доставить больную до машины «неотложной помощи». Несли Эльзу Константиновну все на том же меховом одеяле, в которое она куталась до того, как ей стало совсем худо.

– Я хочу поехать с ней! – неожиданно заявил дядя Витя. – Я ее сын, я имею право!

– Это нецелесообразно. Судя по состоянию больной, ее немедленно поместят в палату интенсивной терапии, реанимацию, чтобы было понятней. А туда никого, даже родственников, не пускают.

Машина уехала, а все еще долго стояли у дороги, глядя ей вслед. Потом повернулись и медленно поплелись к дому. Праздничного настроения как не бывало.

– Кто хочет выпить?

Выяснилось, что выпить хотели все, включая даже Аню, которой по молодости лет спиртное даже нюхать не позволялось. Но девочка сказала, что давно уже знает вкус вина и даже кое-чего покрепче и запросто может выпить виски вместе со взрослыми. Дядя Петя молча и как-то безразлично плеснул дочке в протянутый бокал виски, не так чтобы много, всего на один хороший глоток, но все же плеснул.

Аня этого явно не ожидала. Родители совсем не поощряли подобные молодецкие выходки своей дочери. Когда Анька попалась с сигаретами, ей основательно всыпали. А спиртное девочке позволяли выпить раз в году – глоточек шампанского под бой новогодних курантов. И вдруг отец сам наливает ей, и не что-нибудь, а виски. Но дядя Петя даже не заметил, что он сделал. Похоже, мысли его были где-то очень далеко.

– Ну, выпьем за мамино здоровье! Хоть бы все закончилось хорошо!

Все молча поддерживали этот нехитрый тост. Аня, которая громко требовала, чтобы ей налили, как и всем остальным, теперь растерянно крутила в руках бокал, не решаясь отпить из него. Юношеская бравада требовала, чтобы она это сделала, но привычная женская осторожность советовала погодить.

– Устроила мне мамуля день рождения, – буркнул дядя Витя. – Не приведи бог, и впрямь помрет. Это же на всю жизнь праздник будет испорчен.

– Не болтай, – осадил его Мишель, – настоящий день рождения у тебя был позавчера, а сегодня так, собрались, чтобы отметить в выходной день.

Дядя Витя снова налил себе виски и выпил.

– Не могу даже представить, что мать помрет.

– Все смертны. И все мы когда-нибудь умрем.

– Но только не она! И не сейчас! – возмутился дядя Витя.

Потом он взглянул на другого своего брата.

– Где альбом, Петруха?

– Я не знаю. Был в сумке.

Дядя Витя о чем-то подумал, потом перевел взгляд на Сашу.

– Ты видел у бабушки альбом?

Саша сделал максимально удивленное лицо.

– Какой?

– С монетами!

Саша покачал головой.

– Врешь! – тут же уличил его дядя Витя. – По физиономии вижу, что врешь!

Дядя Петя тоже согласился:

– Ты, Саша, никогда не умел врать.

И даже тетя Рита согласилась, что выглядит Саша сейчас очень подозрительно. Под натиском родных Саша совсем растерялся. Он видел, что даже его родная мама поглядывает на него с большим сомнением. Похоже, и она считала, что Саша говорит неправду. Вслух она этого не заявляла, но в душе была согласна с мнением родни. Ждать помощи от мамы не приходилось. Помощь пришла к Саше совсем с неожиданной стороны.

Родственники уже совсем близко подступили к Саше, требуя, чтобы он сказал им всю правду, когда над головами всех раздался негодующий возглас:

– Отстаньте от него! Вы все!

Обернувшись, гости уставились на Катрину, которая в бе-

шенстве сверкала на них глазами.

– Он же вам ясно сказал, что не видел, где этот паршивый альбом! Я была с ним в комнате. И могу подтвердить, никакого альбома у старухи уже не было!

После этого Катрина встала рядом с Сашей и повторила:

– Старуха загибалась там в одиночестве битых два часа! Никто из вас даже не удосужился заглянуть к ней, чтобы узнать, как у нее дела. Только мы с Сашей вспомнили про несчастную бабуку. Но когда мы пришли, она уже бредила.

– Я помню, ты пробежала мимо нас сама не своя. А еще через минуту раздался крик Саши.

– Я была в шоке! – заявила Катрина. – Не каждый день случается увидеть умирающую.

– Типун тебе на язык! Бабушка поправится.

– Вы бы лучше чем нападать на Сашу, подумали, кто из вас мог заглянуть к бабке, пока она валялась в комнате одна-одинешенька. У любого на этом празднике могла найтись минутка, чтобы заскочить к старухе и вытащить у нее потихоньку альбом, покуда она валялась там одна и в бреду.

Так как родственники застали Эльзу Константиновну уже без сознания, то слова Катрины произвели на всех впечатление. Все почему-то подумали, что Саша с Катриной нашли бабушку уже в забытии. И значит, кто угодно еще до них мог выкрасть альбом из комнаты, где лежала бедная забывшаяся от высокого жара и болезни старушка.

Дядя Витя обвел тяжелым взглядом родню.

– Ну? – произнес он. – Признавайтесь! Кто из вас стянул альбомчик?

Ответом ему была тишина. Никто не спешил признаваться, но один лишь Саша понимал, почему так происходит. Что касается дяди Вити, то он, конечно, вообразил, что вор вздумал запираиться. И рассвирепел.

– Никто! – проревел он таким громким рыком, что все вздрогнули, а кто сидел поближе, так еще и отшатнулись. – Никто в целом мире не смеет вставать между мной и наследством моего отца! Всем это ясно?

Не уstraшилcя один лишь дядя Петя. За время праздника он уже успел изрядно нагрузиться. Сначала вливал в себя за здоровье брата, потом за здоровье матери, теперь выпитый алкоголь толкал его на подвиги.

– Не забывай, что он также был и мой отец!

После этого все взглянули в сторону Мишеля, ожидая, что и он скажет свое слово. Но Мишель деликатно промолчал. Как ни странно, это его молчание еще сильнее раззадорило дядю Витю.

– А ты чего молчишь? – набросился он на брата. – Думаешь, я не знаю, что ты всегда считал себя обойденным в дележе баькиного наследства? Небось ты и спер альбом, чтобы не так обидно было!

Мишель поправил тщательно покрашенные кудри, уложенные в безупречно аккуратную прическу. Весь его вид, подтянутый, трезвый и какой-то выверенно артистичный,

отчаянно противоречил всей ситуации.

– Если я и промолчал сейчас, то исключительно потому, что в вашей семье достаточно часто указывали мне на мое место в ней.

– Вот я и говорю! – обрадовался дядя Витя. – Старые обиды вспомнились! Стибрил у мамани альбомчик? Признавайся, гад!

– Если вздумаешь и дальше разговаривать со мной в таком тоне, я уеду прочь.

Дядя Витя тут же вскочил на ноги и кинулся к воротам, словно Мишель прямо сейчас собирался бежать из его дома.

– Никто! – орал он на ходу. – Никто не покинет этот дом до тех пор, пока я ему это не разрешу!

И с этими словами он захлопнул калитку на замок. Ворота были им заперты еще и раньше. Никто особенно не встревожился, такие штуки были вполне в духе дяди Вити. Стоило ему выпить, как мания величия и в обычное-то время одолевающая его, тут и вовсе расцветала махровым цветом. Все знали, дядя Витя покричит страшные угрозы, а потом ляжет спать и забудет про них. Да и забор не казался таким уж непреодолимым препятствием. Если что, если очень надо, то через него можно было при желании и перелезть.

Угомонившись немного, дядя Витя вернулся к остальным.

– А сейчас мы обыщем дом! – объявил он. – Обойдем все комнаты, осмотрим все машины, где-нибудь да и найдем альбомчик. Не иголка, не пропадет!

Саша заметил, как переглянулись родственники.

– Никак ты рехнулся! – открыто возмутился дядя Петя.

– Это что за фокусы? – нахмурился Мишель.

Остальные промолчали и поднялись с мест, готовые выполнять указания хозяина дома. Кажется, не одному дяде Вите хотелось найти альбом. Все прочие тоже считали, что его надо найти.

– Ищем по парам! А то знаю я вас, найдете да и перепрычете!

И дядя Витя быстро распределил всех по двое. Саша заметил, что в каждой паре обязательно оказывался кто-то из родственников тети Риты. Сам дядя Витя отправился на поиски, взяв в компанию Мишеля. А дядю Петю он поручил присмотру своей жены. Именно братья вызывали у дяди Вити наибольшие подозрения, поэтому их он и взял под строгий контроль. Саше выпало искать в паре с Катриной, которая использовала эту возможность в своих целях. Горячая штучка, она затащила Сашу в одну из комнат, где снова принялась его целовать. Кажется, это занятие настолько ее увлекло, что ни о чем другом она и думать не могла. И пока вся родня, сбиваясь с ног, металась по дому в поисках альбома, Саша был практически единственный, кто очень приятно проводил время.

От поцелуев его отвлек чей-то возглас:

– Нашли! Кажется, нашли!

Саша вздрогнул. И запоздалое раскаяние охватило его.

Неужели, они обнаружили альбом? Эх, не уберег он его! Надо было спрятать его понадежней! Но тут же он сообразил, что крик раздался откуда-то сверху, а альбом был спрятан в комнате бабушки Эльзы, которая находилась совсем близко и на первом этаже.

Но Катрина ничего этого не знала и тянула Сашу за собой:
– Бежим!

Все уже собрались в холле второго этажа. А героиня праздника Алена сжимала в руках альбом, очень похожий на тот, который уже довелось видеть Саше.

Он снова приуныл, но поинтересовался:

– Где ты его нашла? В чьей комнате?

– Ни в чьей! – заявила Алена. – На втором этаже вообще нету жилых комнат, насколько я понимаю.

– Зачем же ты туда пошла?

– Следы.

Оказывается, Алена увидела на одной из лестниц пятна засохшей грязи, которые ее насторожили. Пятна были похожи на чьи-то следы. А кому могло понадобиться подниматься наверх, туда, где нету жилых помещений? Да еще не из дома, а непосредственно из гаража, даже не обтерев ног. Она без труда уговорила маленькую Полину пойти с ней наверх.

– Мы пошли по этим следам, и они привели нас в ту комнату.

– Покажи, что за комната! – потребовал дядя Витя, который уже завладел альбомом и теперь не выпускал его из рук.

– Пойдемте.

Комната, в которую пришла Алена, была самой обычной. Вид у нее был нежилой. Мебель тут стояла самая простая. Две кровати, две разнокалиберные тумбочки, в углу стоял шкаф, правая дверца которого висела на одной петле. Вся комната производила впечатление какого-то гостиничного номера, но из разряда тех дешевых гостиниц, где никогда нет горячей воды, а про тапочки и халат никто и не слыхивал. И даже о мыле, шампуне и зубной пасте гостю приходится позаботиться самому.

Алена подошла к шкафу, открыла вторую целую дверцу и указала на полку.

– Вот тут он и лежал.

На порядком запыленной поверхности отпечатался след, он в точности совпадал с размерами альбома и лишний раз подтверждал правдивость слов Алены.

– И как же альбом мог тут очутиться?

– Кто-то стянул его у матери прямо после ее приезда, прокрался с улицы в гараж и, не снимая грязной обуви, поднялся наверх. Эх, жаль, что следы давно высохли. Были бы свежими, мы по отпечаткам подошв могли бы вычислить воришку. Сравнили бы у всех обувь, и дело в шляпе.

– Скорей уж в полуботинке, – засмеялась Полина. – У следов был острый нос, какой бывает у мужских полуботинок. Вот как у него!

Все тут же посмотрели на ноги Мишеля, на которых кра-

совались именно такие лакированные и очень щегольские туфли. Сегодня Мишель был в образе гангстера двадцатых годов в Америке. Стильный темный костюм, шелковый галстук и фетровая шляпа. Ну и конечно, элегантные двухцветные туфли, которые Полина по незнанию назвала полуботинками.

– Это ты припрятал тут альбом?

– Даже не думал!

– Врешь!

– Я все время находился с гостями. Ни на минуту никуда не отлучался.

– Ну, все равно, – потряс альбомом дядя Витя. – Кто бы ни взял альбомчик, этот человек крупно просчитался. До тех пор пока у нас есть такой сыщик, как наша милая Полиночка, никакой враг нам не страшен!

Совсем упустив из виду тот факт, что следы обнаружила Алена, поднялась по следам на второй этаж тоже Алена и в конечном счете альбом нашла все та же Алена, дядька расхваливал одну лишь племянницу своей жены – Полину. Дядя Витя, как мог, изо всех сил делал вид, что Алены в момент находки ценного альбома и близко к нему не стояло.

И дядя Витя раз за разом повторял:

– Ах, Полинка, вот порадовала дядю!

При всех дядя Витя обнял раскрасневшуюся от удовольствия девочку, поцеловал в макушку и даже пообещал в порыве чувств какую-нибудь монетку в подарок, что очень за-

интересовало девочку, порадовало ее маму и сестру и возмутило родственников самого дяди Вити.

Особенно вознегодовал дядя Петя:

– Ты чего это раздаешь направо-налево монеты из альбома отца? Кто такая Полина, чтобы на них претендовать? Между прочим, я – родной твой брат – даже помыслить не смел, чтобы попросить у матери хоть самую малюсенькую монету. А ты обещаешь чужой девчонке!

– Полина мне не чужая!

– Да ты и сам знаешь, что самая дешевенькая из всех отцовских монет нынче на любом аукционе потянет на сотни тысяч.

– Но не евро, а рублей.

– Пусть так, пусть рублей! Но есть в коллекции монеты и подороже! И таких подавляющее большинство!

Услышав это, Саша поднял голову. Он знал от мамы, что свою коллекцию дедушка Юра собирал долгие годы, что он продолжил дело своего собственного отца и деда. Но Саша никогда не предполагал, что монеты в коллекции могут оказаться настолько ценными.

– Что же это за монеты? – вырвалось у него. – Из золота?

– Некоторые из серебра, другие из золота. Ценность монеты не в сплаве, из которого она изготовлена, а в редкости самой монеты. Да что там говорить долго, пойдемте, я вам покажу.

На радостях, что заветный альбом вернулся к нему, дя-

дя Витя был готов облагодетельствовать весь мир. Ему хотелось быть добрым, хотелось быть щедрым. Ну, насколько он это понимал. Дядя Витя спустился вниз, в руках он торжественно нес альбом. Остальные шествовали немного позади на почтительном расстоянии.

Глава 4

Очутившись в просторной и светлой гостиной, дядя Витя расположился за большим столом, стоящим напротив окна. Остальные родственники устроились рядом.

И дядя Витя начал обзор коллекции:

– Монет в коллекции отца не так уж и много, чуть больше сотни...

– Точнее, сто двадцать три, – поправил его дядя Петя.

– Но это все исторические реликвии, – продолжал дядя Витя. – Отец собирал монеты по странам. Вот, например, страница, посвященная Франции. Золотые наполеоны времен империи. А вот луидоры, которыми расплачивались еще во времена Людовика Солнце. А за эти самые экую Д'Артаньян, возможно, и продал своего коня по приезду на нем в Париж.

Перевернув страницу, дядя Витя сразу попал в Испанию и прочел небольшую лекцию о временах Колумба и завоевания Нового Света. Потом из Западной Европы переехали в Персию и спустились в Древний мир.

– Извольте взглянуть, дарик, отчеканенные в правление самого Дария Первого, тетрадрахмы Александра Македонского, а это монеты времен Римской Республики. А этими денариями могли расплачиваться с самим Спартаксом, когда он еще выступал на гладиаторских боях. Но я уже объяснял,

редкость монеты обуславливает ее цену. В некоторые годы чеканилось много монет, они до сих пор попадаются довольно часто. А некоторые годы монеты чеканились в небольших количествах, такие пойдешь поищи, они и стоят дорого.

– А есть наши российские монетки?

– Есть рубли из нашей родной истории – эпохи Петра, например. Или вот золотые времена его уважаемого папеньки – царя Алексея. Но отец говорил, что самые дорогие монеты относятся ко времени правления Анны Леопольдовны – регентши при малолетнем царевиче Иоанне, чье царствование продлилось считанные месяцы. Такие монеты вообще безумная редкость, правил малолетний царь мало, значит, и монет с его изображением успели отчеканить немного. Да еще не все из них отправились в народ, многие оставались в казначействе и были впоследствии перечеканены уже на рубли с изображением Елизаветы – дочери Петра Великого, взявшей власть в России в свои руки.

– Редкие, выходит, монетки.

– Уникальные!

– Сколько же может стоить вся коллекция целиком?

– Дорого! – заверил всех дядя Витя. – Очень дорого!

Лицо его сияло. Таким счастливым Саша своего дядю никогда раньше не видел.

И он попросил:

– Можно мне посмотреть поближе?

Дядя Витя поколебался, но альбом племяннику передал.

Впрочем, он тут же впился глазами, следя за каждым движением Саши. Не ровен час, сопрет какую-нибудь монетку. А Саша переворачивал страницы, вглядывался в монеты, старался запомнить, как они выглядят. Вроде бы все было в порядке, все монетки находились в специально отведенных для них ячейках, каждая была снабжена соответствующей надписью. Не хватало лишь одной монеты, относящейся к периоду правления императора Октавиана Августа.

Дядя Витя тоже обратил внимание на пустую ячейку и возмутился:

– Как это понимать? Куда делась монета? Сашка!

– Я не брал!

Но дядя Витя ему не поверил.

– Выворачивай карманы! Живо!

– Ну что ты, Витя! Мальчик смотрел альбом при нас. Ты лично глаз с него не спускал. Монета исчезла раньше.

– Но она была! – завопил дядя Витя. – Отлично помню, когда отец в последний раз показывал мне альбом, все ячейки были заполнены! Петя! Где монета?

– Я? А при чем тут я?

Дядя Петя выглядел испуганным.

– Мать этот альбом из рук не выпускала. Каждый вечер перед сном просматривала, проверяла, все ли с коллекцией в порядке. Если монеты нет в отведенной ей ячейке, значит, мать сама ее куда-то припрятала.

– Не стала бы она такое делать без нашего ведома! Она о

каждом своем чихе нам докладывает, а тут целая монета!

– Надо будет спросить у матери.

– Как? Она в больнице, в реанимации! Или ты забыл?

Дядя Витя выругался. Тетя Рита предположила, что монета могла каким-то образом оказаться в другой ячейке. Стали листать страницы, искать монету, но, даже просмотрев все страницы, искомого золотого ауреуса не нашли.

– Все ясно, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, произнес дядя Витя. – В доме есть вор! Мечтал украсть всю коллекцию, не получилось, так он хоть одну монету да спер! Кто из вас это сделал? Признавайтесь?

Все молчали, хотя понимали – сама по себе монета исчезнуть из альбома не могла. Кто-то ее взял. И раз этот кто-то не спешит признаваться, значит, монета украдена. Это было очень неприятно, но, в принципе, ожидаемо. Когда храните в доме большие ценности, рано или поздно у кого-нибудь может возникнуть искушение эти ценности присвоить.

Одно Саше было непонятно, как альбом очутился на втором этаже? Ведь сам Саша спрятал его в комнате первого этажа. Кто-то нашел альбом в ящике письменного стола и перенес его наверх? Но зачем? И почему решил подняться наверх через гараж? Почти у самых дверей комнаты Эльзы Константиновны имелась лестница наверх. А чтобы добрать-ся от нее до гаража, нужно было еще вдоволь попетлять и покружить по дому, а то и вовсе выйти на улицу.

– Дай-ка мне тоже взглянуть.

И дядя Петя потянул альбом к себе. Он тоже принялся его рассматривать, сосредоточенно хмурия лоб. В отличие от своего брата, дядя Петя выглядел озабоченным. Он то и дело покачивал головой и, кажется, жалел, что альбом нашелся. Пока Саша следил за своим дядей, он и сам понял, что показалось ему изначально странным в этом альбоме. Найденный Аленой на втором этаже альбом был какой-то слишком уж яркий. Тот, который передала Саше бабушка, выглядел куда более потрепанным жизнью. Или это зависело от освещения? Тут оно было ярким, а в комнате бабушки Эльзы царил полумрак, приглушенный шторами солнечный свет мог исказить цвет альбома.

Дядя Петя закончил свой осмотр, неожиданно небрежно отбросил его в сторону и заявил:

– Это подделка!

Дядя Витя воззрился на него с недоумением, и дядя Петя прибавил:

– Это не папин альбом!

– Что? Ты глаза-то протри!

– Не тот альбом! – повторил дядя Петя. – Чужой.

– А монеты?

– Монеты не пойму. Может, они тоже не наши, а может, и наши. Тут специалиста вызывать надо. Но альбом точно другой.

– Да с чего ты это взял? Я тоже видел альбом много раз, он очень похож.

– Похож, но не он. Ты альбом последний раз видел, когда еще отец жив был. А с тех пор много воды утекло.

– Объяснись!

– Когда Анька маленькая была, она на первой страничке крякозябру какую-то нарисовала. А в этом альбоме детского рисунка нет.

– Да, я тоже это помню! – воскликнула Аня. – Бабушка сначала на меня за это рассердилась. Но я ей объяснила, что это я ее рисовала, и она передумала сердиться. И даже сказала, что очень неплохо получилось, пусть этот рисунок останется тут, вроде как фотография владельца.

Она открыла первую страницу, которая была совершенно чистой.

– Нету!

– Так что альбом точно не наш, – произнес дядя Петя. – Подделка!

Саша едва сдержался, чтобы не кивнуть в знак того, что он согласен с дядей Петей. В последний момент удержался. Но теперь он мог сказать, что хотя этот альбом тоже был из плюша, который от долгого использования местами и особенно по краям изрядно потерялся, но у него было отличие от того альбома, который Саше довелось подержать в руках. Тот тоже был в потертостях, но тот был немного другого цвета, чуть более тусклым. Сначала Саша подумал, что так казалось, потому что в комнате Эльзы Константиновны был полумрак, а сейчас альбом находился на ярком дневном свете, но отсут-

ствие приметного рисунка подтверждало подозрения Саши.

И тут снова ему на помощь вновь пришел дядя Петя, который сказал:

– И цвет у альбома другой! Такой цвет у него был лет десять назад! У отца альбом в специальном хранилище лежал, в темноте, поэтому плюш и не выгорал. А мама постоянно альбом с собой носила, иногда даже перед окном забывала. Яркий солнечный свет из окна на плюш падал, и за эти десять лет плюш на обложке сильно выцвел.

Все молча уставились на раскрытый альбом. Сомневаться в словах дяди Пети причин ни у кого не было. Но что это могло значить, никто не понимал.

– А монеты? – произнес Мишель. – Альбом дело десятое, тот или не тот, не так важно. Монеты подлинные или они тоже подделка?

– Это я так сказать не могу. Вроде бы все монеты, кроме одной, на месте. Выглядят тоже нормально. Но те они или не те, я сказать не берусь. Надо к эксперту нести, к Петру Ефимовичу.

Петром Ефимовичем звали старого антиквара-нумизмата, который помогал Юрию Семеновичу в сборе его коллекции, покупке все новых и новых экземпляров.

– Он единственный, кто может сказать, подлинные эти монеты или фальшивка.

– До Петра Ефимовича мы прямо сейчас не доберемся, – возразила тетя Рита. – Давайте определим хотя бы, золото

это или нет. Если монеты фальшивые, то их могли изготовить из какого-нибудь дешевого металла.

– А как проверить?

– Нальем на монету немножко кислоты. Если золото, то оно устоит. Если какой-то другой металл, пойдет реакция.

– Монету испортим.

– Если монета подлинная и золотая, то ничего ей не сделается. А если фальшак, то и жалеть его нечего.

– А где кислоту возьмем?

– У меня на кухне есть уксусная кислота, – сказала тетя Рита.

– Уксус не подойдет. Он слишком слабый.

– Верно, в кулинарии используют чаще всего девятипроцентный раствор уксусной кислоты. Есть еще в продаже семидесятипроцентная уксусная эссенция. Но у меня припрятана именно уксусная кислота, она еще более концентрированная. Думаю, что подойдет.

– Зачем она у тебя?

– Как-то купила в Турции по случаю цепочку, потом засомневалась, вот и попросила подругу, она химик, раздобыть мне немножко серной кислоты. Серной она мне не принесла, дала уксусную, сказала, что сработает ничуть не хуже. Чтобы понять, золотая цепочка или просто позолоченная, я по совету ювелира немножко поцарапала цепочку, потом на царапину капнула кислотой и в лупу посмотрела. Никакой реакции не пошло, значит, золото! Тут с монетой надо сделать

то же самое.

Тетя Рита говорила так уверенно, что ей почти всех удалось убедить. Неожиданно против восстал один лишь дядя Петя.

– Не позволю я монету царапать! Ишь, чего придумали! А если монета настоящая? Это же все! Царапина на монете – это минус треть цены! А то и половина! Прекрасно помню, как отец говорил, что монета в безупречном состоянии и та же самая монета, но потертая или с царапинами – это две большие разницы.

– Никто не собирается царапать монету на видном месте.

– А у монеты все места видные! – отстаивал свою позицию дядя Петя. – Это тебе не цепочка, спрятал царапанное место под воротник, и порядок. Когда монету на аукцион несут, ее там со всех сторон под микроскопом рассматривают.

Услышав про микроскоп, дядя Витя неожиданно восторженно:

– Как ты сказал?

– Говорю, что перед продажей монету эксперты разглядывают под микроскопом.

Теперь дядя Витя взглянул на свою жену:

– Рита! Микроскоп!

Женщина какое-то время непонимающе смотрела на него, потом всплеснула руками:

– В самом деле! Как мы могли с тобой забыть!

И повернувшись к племяннице, ласково произнесла:

– Полиночка, солнышко ты наше, отличница ты наша любимая, умница-разумница. Ты же не возражаешь, если мы с дядей Витей подарим тебе твой подарок к окончанию учебного года немножко раньше... Например, прямо сейчас?

Ясное дело, что Полина не возражала. Да и кто стал бы возражать на ее месте? Она захлопала в ладоши, а тетя Рита сбегала куда-то и вернулась назад, неся в руках довольно увесистую коробку.

– Тетечка! – взвизгнула Полина. – Это что? Это то, что я думаю?

И она кинулась обнимать свою тетку, отчего Рита едва не выронила из рук свою ношу.

– Ну да, это электронный микроскоп, о котором ты нам прожужжала все уши.

Все подались вперед. И даже обычно безразличная к происходящему вокруг нее Аня вынырнула из своего смартфона и подошла поближе, с завистью глядя на подарок, который достался Полине.

– Ничего себе! – произвольно вырвалось у девочки. – Он же кучу денег стоит!

– Да, недешевый подарок, – согласилась тетя Рита. – Но мы на родственниках не экономим.

«И можем себе позволить дарить такие подарки тем, кого любим. А кого не любим, тем шиш с маслом. Обломитесь и обзавидуйте», – вот что было написано на лице у тети Риты. Взрослые все поняли и молча проглотили. Но среди при-

сутствующих была молодежь, еще не успевшая поднатореть в искусстве светских манер.

— А вот мне вы с дядей никогда ничего толкового не дарили! — возмутилась Аня. — Книжку да конфеты. И это еще в лучшем случае! Куда чаще вы просто про мой праздник забывали.

— Мы не забывали. Как ты могла такое себе даже подумывать!

— Да? А почему же я тогда от вас даже простого поздравления не получала?

— Твой дядя Витя очень занятой человек. Не всегда у него находилось время, чтобы поздравить тебя день в день.

— Дядя Витя к нам домой частенько приезжает, но никогда мне таких дорогих подарков не дарит.

— Некогда ему подарки тебе выбирать.

— Ничего, я не гордая, я бы и деньгами взяла!

Тут уж дядя Петя не выдержал.

— Замолчи! — прикрикнул он на дочь. — Нечего унижаться и подарки кланчить, словно бы тебе чего-то не хватает.

Но Анька была из разряда тех людей, с которыми еще как-то можно договориться лаской и уговорами. Но стоило на Аньку повисить голос, как она буквально закусывала удила и неслась вперед, словно норовистая кобылка, не разбирая дороги и не думая о последствиях.

Вот и сейчас Анька уперла пристальный взгляд в отца и поинтересовалась:

– А чего это у меня всего хватает? Живем в какой-то по-мойке! Ремонт своими руками сто лет назад делали. Машина рухлядь. Новый смартфон я у вас целый год просила, в итоге подарили мне какую-то китайскую хрень! Дешевку! Но вы с матерью копейки получаете, с вас какой спрос. А вот некоторые... – И развернувшись в сторону своих дяди и тети, Аня закричала уже в голос: – А что у вас, дорогая тетя Рита, за оправдания? Вы-то сами не работаете! Могли бы мне подарок выбрать! А дядя Витя мог бы денежек в конвертике сунуть. Или даже просто так без всякого конверта. Я бы с радостью взяла! Но вы же никогда про меня не думаете.

– Мы думаем.

– Нет, я вижу, что дело тут в том, что вы Полину любите больше, чем меня! Верней, ее вы любите, а на меня вам попросту наплевать!

И разобиженная Аня отвернувшись, чтобы дядя с тетей точно бы осознали, что виноваты. Но Рита была очень далека от раскаяния. А про дядю Витю и говорить не приходилось. Он вообще ничьи жалобы никогда не слышал.

Тетя Рита все же снизошла до объяснений:

– Полина учится в лицее с биологическим уклоном. Учится девочка на одни пятерки! А ты, Аня... Разве ты можешь похвастаться хорошей успеваемостью? У тебя, насколько я знаю, в дневнике толпятся лишь двойки с тройками!

– Не знала, что вы любовь к родственникам школьными оценками измеряете! Я точно такая же ваша племянница,

как и Полинка! Но ей дорогуший микроскоп, а мне фигу!

– Микроскоп Полине будет нужен для дела. С его помощью она сможет приступить к выполнению сложнейших домашних заданий, проведению опытов, которые им задают в лицее. А тебе зачем такая вещь?

– Ну не обязательно же микроскоп, – пробормотала Аня. – Я бы и на что-нибудь другое согласилась.

Но ее уже никто не слушал. Все внимание окружающих было приковано к Полине, которая дрожащими от волнения руками уже распаковала подарок и теперь устанавливала в зажиме выданную ей дядей Витей монету. Аня какое-то время понаблюдала за этим, потом решительно повернулась и выбежала из комнаты. Но никому, даже родному отцу, не пришло в голову, что надо бы пойти за девочкой, попытаться ее утешить и приободрить.

Дядя Петя точно так же, как и все прочие, не мог оторвать глаз от Полины и ее действий. И девочка старалась изо всех сил. Она уже немного освоилась с новым для нее устройством, объяснила, что в лицее ей уже приходилось работать на похожем оборудовании, так что проблем не возникнет. После чего Полина взглянула на экран, на котором высветилась эта же монета, но только многократно увеличенная. Попробовала увеличить, потом уменьшить изображение. Все получилось превосходно. Можно было рассмотреть даже мельчайшие поры на металле.

Это была германская монета с изображением портрета

Вильгельма Первого. Изображение послушно реагировало и двигалось взад и вперед, как было нужно девочке. Все обрадовались, одна лишь Полина не спешила радоваться.

– А что мне нужно будет увидеть? – спросила она растерянно.

– Ты не знаешь?

– Нет. Это же не растительная и не животная клетка. На что мне тут обратить внимание?

Вопрос девочки поставил всех в тупик. И на какое-то время в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь ехидным хихиканьем Ани, которая на мгновение сунула голову в комнату, но так же быстро исчезла вновь.

Первым нарушил молчание дядя Петя:

– Я помню, отец говорил, что чаще всего фальшивые монеты изготавливают литьем или литьем под давлением. Но отличие литья от чеканки в том, что при литье невозможно дать такие же четкие формы, как при чеканке. Все мелкие детали становятся как бы размытыми. Конечно, такое на монете плохой сохранности возможно и от долгого хождения по рукам, но отец предпочитал брать монеты лишь хорошего или даже отличного качества. Так что линии там должны быть четкими, углы острыми, а мелкие детали должны быть прекрасно видны.

– Посмотрите сами, видны они или не видны.

Дядя Петя подсел к Полине.

– На мой взгляд, монета выглядит неплохо. Разве что во-

лосы на бороде у императора какие-то смазанные, но это могло случиться от того, что монетой расплачивались, она много раз переходила из рук в руки, а золото все-таки очень мягкий металл. И такие тонкие детали, как волосы, попросту стерлись.

– Значит, это все-таки тот самый альбом, который принадлежит Эльзе Константиновне?

– Нет. Альбом другой. А вот монеты похожи на настоящие. Хотя меня смущают вот эти царапины. Такое впечатление, что кто-то зачищал тут какие-то неровности, а потом попытался скрыть царапины под полировкой. Но при многократном увеличении царапины все равно видны.

– Что за царапины? Отец монету уже покупал с царапинами, или они появились позднее?

– Возможно, он такую и взял.

– Так подлинная эта монета или нет? – требовательно спросил дядя Витя.

Дядя Петя лишь развел руками:

– Я не эксперт. Чего ты от меня хочешь?

– Все! – возмутился дядя Витя. – Мне это надоело! Рита, тащи свою кислоту! Раз монета все равно поцарапана кем-то, плеснем на нее кислотой, и все дела!

Кислоту плеснули с избытком. Монета буквально утонула в ней. По комнате тут же распространился едкий запах, отчего все зажали носы. Саша заметил, что бедный Барон, изнывая от вони, скребется у закрытой двери, и выпустил со-

баку. Пес пулей вылетел вон из провонявшего испарениями кислоты помещения. Саша немного подумал и пошел за ним.

Ему не давала покой мысль, что же произошло с тем альбомом, который он спрятал в ящик письменного стола. Оставшиеся в комнате родственники тоже недолго выносили создавшуюся атмосферу. Первым не выдержал Мишель, который кинулся открывать окно нараспашку. Именно он и заметил припаркованную на улице машину.

– Кажется, к нам еще гости, – сказал он брату.

Дядя Витя нахмурился:

– Я больше никого не жду.

– Это машина медиков.

– Наверное, они привезли назад маму! – обрадовался дядя Петя. – Надо им открыть!

Медиков впустили, они вошли в дом и тут же стали подозрительно принюхиваться.

– Чем это у вас тут пахнет?

– Немножко кислоты пролили. Хотели монетку почистить, а жидкость пролилась.

Врач пожал плечами.

– Вы бы поосторожней с кислотами. Впрочем, в создавшихся условиях – это даже хорошо, что вы нашли себе хоть какое-то развлечение, потому что я вынужден вам сообщить крайне неприятное известие.

Вид у него был при этом такой скорбный, что все немедленно вообразили себе самое худшее.

Со всех сторон раздались полный скорби возгласы:

– Мама!

– Бабушка!

– Эльза Константиновна!

– Она умерла!

Врач поморщился.

– Нет, нет, не надо слез и стенаний! Ваша старушка пока что в порядке.

– Где же она?

– Мы поместили ее в палату интенсивной терапии. Но перед этим мы сделали экспресс-тест. И увы, вынуждены вам сообщить, что у вашей бабушки подтвердился первоначальный диагноз. Она больна атипичной скарлатиной. Заболевание крайне заразное, а потому вы все помещаетесь мной в карантин.

– Что? Какой еще карантин?

– В течение недели вам нельзя покидать это место, нельзя контактировать с другими людьми, нельзя принимать у себя никого, кто мог бы заразиться от вас. Другими словами, вы должны находиться тут и никуда не перемещаться.

– А как же вы, дорогой доктор? Вы не боитесь заразы?

– Я уже переболел этим заболеванием. У меня выработался иммунитет.

– Но мы все прекрасно себя чувствуем. Ни у кого из нас нету ни малейших симптомов заболевания.

– В том-то и коварство этого заболевания. Первоначаль-

ных симптомов нет, но зато когда они проявляются, то болезнь моментально расцветает махровым цветом.

– Но мы здоровы!

– Очень рад за вас. Если за семь дней никто из вас не заболевает, то карантин будет снят.

– А если... заболеет?

– Тогда карантин будет продлен еще на семь дней. Вы меня поняли? Но в ближайшие семь дней никто из вас не может покинуть это место под страхом уголовного преследования. За нарушение карантинных мер предусмотрена ответственность вплоть до заключения.

– Но это же абсурд! У нас у всех работа. Дети учатся. Всем нужно быть по делам в разных уголках страны.

– Боюсь, что на ближайшее время единственным и самым важным для вас занятием будет как раз то, как не разнести эту заразу в разные уголки страны.

– Нет, это просто невозможно! – воскликнул дядя Витя. – Официально заявляю, что никто из нас не собирается выполнять ваши идиотские требования! Ни я, ни мои родные ничем не больны. А потому и никакой карантин нам не нужен!

Врач кивнул.

– Я предвидел, что ваш ответ будет именно таков. Всегда происходит одно и то же. Очень редко можно встретить ответственного и сознательного гражданина. По большей части люди реагируют именно таким образом. Потому должен вам сообщить, что вашего согласия никто и не требует.

Я ставлю вас перед фактом, что будет именно так и никак иначе. Вы должны находиться в изолированных условиях карантина ровно семь дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.